

ХРИСТИАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

© 2020 Е.П. Кудрявцева

Институт российской истории РАН

Статья поступила в редакцию 10.06.2020

Древняя столица Византийской, а затем Османской империи с древнейших времен являлась важнейшим международным центром, крупным транспортным узлом, который не могли миновать ни сухопутные торговые пути, ни морские суда, следовавшие из Средиземного в Черное море. Даже после завоевания Константинополя турками он остался мультинациональным городом, в котором проживало достаточно большое число христиан – как католиков, так и православных. В городе существовали отдельные кварталы для их проживания – Фанар, Пера, Галата, Терапия и другие. Город славился своими переводчиками – драгоманами, которые, будучи жителями обширного Леванта, являлись незаменимыми помощниками европейских посольств в их ежедневных сношениях с Портой. Христиане составляли значительную часть общего населения турецкой столицы, при этом примерно одинаковая пропорция мусульманского и христианского населения Константинополя сохранялась на протяжении достаточно продолжительного времени. Роль христиан в государственных органах управления и на дипломатической службе была стабильно значимой.

Ключевые слова: Константинополь, население, православие, Османская империя.

DOI: 10.37313/2658-4816-2020-2-2-59-68

Во все периоды своей истории древняя столица Византийской, а затем Османской империи играла ключевую роль в политической жизни огромного евро-азиатского региона. Это было связано как с политико-стратегическим значением города, раскинувшегося по обе стороны Босфора, так и с его экономико-географическим положением, определившим его миссию владельца «ключей» от Босфора и Дарданелл – этой морской дороги из Западной Европы в Закавказье и Среднюю Азию. Уникальность геополитической роли Константинополя в жизни средиземноморской ойкумены хорошо понимали уже в древности. С воцарением османов на берегах Босфора резко возросла роль Турции в общеевропейских международных отношениях. Теперь уже всем средиземноморским государствам

приходилось выстраивать свои внешнеполитические программы с учетом отношений с новыми хозяевами Константинополя, подчинившими некогда могущественную Византию. Турция стала желанной союзницей для ведущих западноевропейских держав – Англии и Франции – ведь через ее территории шел торговый путь на Восток.

Обычно прибывающий в Константинополь морским путем путешественник был впечатлен видами Босфора, Мраморного моря и самого города, раскинувшегося на берегах пролива. П.А. Левашов, входивший в состав российской дипломатической миссии в конце XVIII в., писал: «По обеим же сторонам фракийского Босфора до самого Черного моря находятся прекрасные деревни и великое множество увеселительных домов, как султанских, так и других знатных людей, где в летнее время жить весьма приятно и весело»¹. Панорама города также впечатляла: «Объехавши всю почти Европу, не видал я места, подобного Константинополю как по

Кудрявцева Елена Петровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела «Россия в международных отношениях».
E-mail: demetr22@mail.ru

красоте, так и по выгодности положения»². Посетивший Босфор и Константинополь во время турецко-египетского кризиса 1833 г. Н.Н. Муравьев писал: «Величественный Царьград, бывший столицей мира, занимательнее всех каменных, единообразных столиц Европы с пересекающими их прямыми улицами и огромными зданиями»³. Прибывший на берега Босфора европеец был поражен видом величественной Айя-Софии и многочисленных мечетей с высокими минаретами. Однако при более близком знакомстве с городом отсутствие прямых улиц и благоустроенных зданий уже не вызывало такого восторга. Грязь на улицах и беспорядочная застройка неприятно удивляли жителя Европы. Французский путешественник так описывал свое знакомство с городом в 1825 г: «...обольщение, производимое видом Константинополя снаружи, скоро исчезает, и очарование прекращается, как скоро войдешь во внутренность города... видишь улицы узкие, грязные, извилистые и дурно вымощенные; дома деревянные или каменные, произвольно выстроенные, некрасивые и непрочные»⁴.

Турция имела дипломатические отношения со многими европейскими государствами. Их представители проживали в турецкой части города – Стамбуле – в особом, специально для них построенном здании – Эльчи-хане, или Посольском дворе. После 1646 г. послам был предоставлен район Галаты и Перы, а в Эльчи-хане остались лишь поверенные в делах вассальных регионов Османской империи – Молдавии, Валахии, Трансильвании и Рагузы⁵. Русские послы, прибывавшие в Царьград с особыми миссиями, останавливались во дворе валашского господаря. Венецианские представители первыми переселились в христианский район Пера, находившийся на противоположном Стамбулу берегу Золотого Рога. За венецианцами потянулись и другие европейцы. В Стамбуле осталось лишь посольство Персии. Традиционно город делился на несколько частей, где доминировало население одной национальности и конфессиональной при-

надлежности. Отдельно проживали греки, армяне, евреи, своеобразную многонациональную смесь представляли собой жители европеизированного портового и дипломатического района Константинополя.

После завоевания Византии в 1453 г. Мехмедом II новая столица Османской империи осталась мультинациональным городом, значительную часть которого составляли немусульманские народы. Стамбул составлял самостоятельный вилайет, делившийся на 3 основные части: собственно Стамбул, занимавший территорию бывшего Византия в его древних стенах; Пера и Галата – район, населенный «франками», т.е. иностранцами, располагавшийся напротив Стамбула через Золотой Рог, и Скутари – обширный район на азиатском берегу Босфора. Муниципальными делами Константинополя ведала префектура, столица была разделена на 14 муниципальных участков. Численность населения города в 1844 г. составляла 800 тыс. человек, к 70-м гг. она выросла до 1 млн; из них 60% приходилось на долю мусульман и 40% – на долю христиан⁶. Такая пропорция, независимо от меняющейся численности города, сохранялась на протяжении нескольких столетий, постепенно увеличиваясь в сторону возрастания численности мусульман.

Немусульманское население занимало периферию города, в то время как мусульмане занимали центр Константинополя. Фанар – поселение греков и местонахождение Константинопольской патриархии, находился в глубине Стамбула, греки селились на берегу Мраморного моря и вдоль Золотого Рога; армянская диаспора была второй по численности, составляя 160 тыс. человек, она имела свой район проживания под названием Йеникапи; евреи селились по обе стороны Золотого Рога и в предместье Балата. Их численность достигала 40 тыс.⁷, при этом половина еврейского населения проживала в Галате.

Особыми районами были Пера и Галата, находившиеся на холме напротив Стамбула (от греческого «para» – вблизи, напротив).

Это был почти самостоятельный город, населенный иностранцами. Пера занимала вершину холма. Еще в XVI в. по трактату Сулеймана и Франциска I это место стало резиденцией Франции. С тех пор здесь располагались посольства европейских держав. Иностранцы строили здания своих представительств, имели свои магазины и церкви. В XVI в. в Пера число католических соборов намного превышало число мечетей, но к XIX в. положение изменилось, и иностранцы могли посещать только 2 католические церкви. Значительную часть жителей Перы составляли католики. Они имели исключительное право звонить в колокола – то, чего были лишены православные христиане во всех турецких землях. Кроме домашних церквей европейских посольств, располагавшихся в Пера, католики в этом районе, по словам К.М. Базили, «имеют две церкви, имеют своих капуцинов и иезуитов и исключительное право звонить в два хриплые колокола» – право, уничтоженное для православных христиан во всех турецких землях⁸.

Здание российской миссии, по свидетельству современников, было самой внушительной постройкой в Пера, оно доминировало над всем городом и было видно отовсюду. Здание стояло на вершине холма, на главной улице посольского квартала – Grand Rue de Pera, в котором в изобилии находились европейские магазины, рестораны, театр, в котором давалась итальянская опера и французские водевили⁹. Новую российскую миссию начал строить посланник А.П. Бутнев, но открытие пришлось на 1844 год, когда представителем России в Константинополе был посланник В.П. Титов. Для постройки пришлось купить несколько участков земли, принадлежавших туркам. Стройкой руководил архитектор Гаспар Фоссати, приехавший из Петербурга и составивший подробнейший план посольского дворца – с многочисленными гостиницами, будуарами, «зеркальным залом» для танцев, обширной террасой, выходившей на Босфор. Ему пришлось учитывать тот факт, что штаты российской миссии в Константи-

нополе были самыми многочисленными, по сравнению с другими европейскими дипломатическими представительствами. В разное время в ней насчитывалось от 70 до 80 человек – это были секретари, переводчики, драгоманы, курьеры, работники почтовой экспедиции, «медицинские чины» и члены их семейств¹⁰. По существу, это была целая колония подданных Российской империи, имевших в турецкой столице свое обширное местопребывание.

Посольству принадлежало несколько построек, среди которых был предусмотрен дом для паломников, следовавших в Святую Землю. Они прибывали из Одессы на пароходах, останавливались в российской миссии для получения паспортов и обмена денег для дальнейшего путешествия. Мест для всех паломников не хватало, и прибывшие размещались на прибрежных греческих судах и на набережной Галаты. Паломники могли достаточно долго ожидать австрийских пароходов, следовавших в Яффу, и представляли отдельный предмет заботы для российской миссии, которая была вынуждена следить за их поведением, а зачастую и снабжать деньгами. Число паломников было значительным, в отчете Коммерческой канцелярии за 1831 г. говорилось, что в этом году для следования в Мекку, на Афонскую гору и в Иерусалим прибыло 575 человек. Это число оставалось постоянным из года в год¹¹. Кроме паломников, державших путь через Константинополь, в турецкой столице проживало, будучи занятыми на временных работах, значительное количество выходцев из России. Во время Июльской революции во Франции III-е отделение Собственной е.и.в. канцелярии затребовало из всех европейских посольств и миссий списки русских подданных, находившихся в это время в этих странах¹². Это же требование получила константинопольская миссия. Составление списков было поручено Коммерческой канцелярии. Ее директор П. Пизани, возглавлявший это подразделение на протяжении десятилетий и отличавшийся большой педантичностью

в работе, не смог составить точных списков. Он указывал, что количество российских подданных, занятых на временных работах в торговле и строительстве, не поддается никакому учету, поскольку число их постоянно меняется, и особенно много было рабочих, приехавших из Закавказского края.

Одновременно российская миссия владела старым деревянным «дворцом» в пригороде Константинополя – в Буюк-Дере, на берегу Босфора. Здесь с XVIII в. располагалась обширная усадьба с раскинувшимся на холме садом и собственной пристанью. С постройкой нового здания в самой столице Буюк-Дере стало местом летнего отдыха, куда посланник с помощниками выезжали на время летнего зноя и где штат миссии скрывался во время многочисленных эпидемий, бушевавших в Стамбуле. Соседнее поселение Терапия было дачным местом для европейских миссий; таким образом, вся дипломатическая жизнь в летнее время переезжала на берег Босфорского залива, где располагались многочисленные дачи и летние резиденции состоятельных турок. В Терапии находилась древнейшая православная церковь Св. Георгия, которая получала денежные выплаты от Святейшего Синода, а на территории посольской дачи в Буюк-Дере была выстроена церковь, освященная во имя Св. Елены и Св. Константина. Это была одна из первых не домовых, внутри зданий посольств, а отдельно стоящих посольских церквей, появившихся при зарубежных российских дипломатических представительствах. Расцвет строительства посольских церквей приходится на вторую половину XIX в.

По данным середины XIX в., в Пере проживало 20 тыс. жителей, группировавшихся вокруг иностранных посольств¹⁵. С 1838 г. по 1847 г. рост цен на землю в Пере достиг 75%. Попав в Турцию, российские посланники должны были хорошо знать особенности здешней политической жизни, ориентироваться в обычаях и даже предрассудках местных жителей и высокопоставленных чиновников Порты. В этом неопределимом

помощь оказывали пероты, состоявшие на русской службе. Большое значение имело и то, что большинство посольских работников прошли многолетнюю дипломатическую выучку в Константинополе, успев ознакомиться со всеми тонкостями восточной политики.

О хитрости и плутоватости перотов ходили легенды. «Это как бы особый народ, они приняли даже свой особый костюм, полувосточный, полутурецкий», – пишет о перотах Н.С. Всевожский¹⁴. «В Пере нет почти ни одного дома турецкого – все европейские, – писал художник И. Захаров, прибывший в Константинополь в 1849 г. на пароходе «Грозный», – а посольства имеют, кроме домов посланников, каждое свою почтовую контору, канцелярию, свой драгоманат»¹⁵. «Здесь находятся дома богатейших людей, разные казенные здания, в том числе дома русского и австрийского посольств, главный кукул или дом обер-полицейстера, далее дом греческого патриарха, театр, цирк, богатые магазины, кофейни и гостиницы; одним словом, живя в Перской улице, можно забыть, что живешь в мусульманском городе, а не в европейском. Перская улица довольно длинна... но так узка, что по ней едва может проехать одна коляска... К тому же на улице рубят дрова, жарят каштаны и исполняют другие хозяйственные работы».

Примыкавшая к Пере Галата находилась у подножия холма и отличалась большим своеобразием. Когда-то она была подарена Михаилом Палеологом генуэзцам за их помощь в борьбе с Болдуином II (1264). Капитуляциями 1456 г. Мехмед II Завоеватель даровал жителям Галаты относительную самостоятельность. По фискальным документам, которые приводит в своей работе турецкий историк Е. Елдем, работавший в султанском архиве Топ-Капы, в конце XVII в. только 500 домовладений Галаты были турецкими против 1 тыс. немусульманских, из которых большую часть составляли домовладения греков. Иностранцам принадлежали 3 католические, 2 греческие и 1 армян-

ская церковь, в то время как численность мечетей возросла до 12¹⁶. Это были соборы Св. Франциска, Св. Петра и Павла, Св. Георгия и Св. Бенедикта – своеобразный католический форпост западной цивилизации на Востоке. К 1882 г. население составляло 237 тыс. жителей разных вероисповеданий и 60 тыс. мусульман, т.е. четверть от всего населения Константинополя¹⁷. При этом из 188 медресе, находившихся в городе, только одно находилось в Галате. Галата являлась политическим, дипломатическим и торговым центром европейской части Константинополя. Улицы Галаты освещались газовыми лампами уже с 1856 г., а в 1875 г. здесь было построено первое европейское метро – всего один пролет подземного трамвая, связывавшего Перу и Галату.¹⁸

Население Галаты представляло собой пеструю смесь выходцев из разных стран. Российский консул в Бейруте, уроженец Константинополя, грек по происхождению, оставивший несколько сочинений о турецкой столице, К.М. Базили писал: «В Галате увидите пеструю толпу со всех концов христианского мира. Это не Восток, не мусульманский город, а то, что Европа назвала Левантом – случайный сброд итальянцев, немцев, славян Адриатического залива, греков с Ионических островов, французов, испанцев, англичан, шведов и американцев»¹⁹.

Их жизнь определял находившийся здесь крупнейший порт Константинополя. Порт турецкой столицы являлся перевалочным пунктом во всей средиземноморской торговле своего времени. Большинство купеческих кораблей под русским флагом, покидавших черноморские порты, имели пунктом своего назначения Константинополь. Здесь капитаны получали дальнейшие указания к плаванию. Посредническая роль Константинополя была огромной, поскольку южнорусская торговля пшеницей подчинялась международным постановлениям, предписывающим весь ход русско-средиземноморского оборота. Во время, предшествовавшее началу русско-турецкой войны 1828-1829 гг., вся русская пшеница принуди-

тельно разгружалась в порту Константинополя и затем продавалась по более высокой цене, что и было одной из причин, повлекших военный конфликт²⁰. Одно из подразделений российской миссии – Коммерческая канцелярия – вело учет всех прибывших в Константинополь и ушедших из него судов под русским флагом. Следует отметить, что подобное подразделение имело только одно дипломатическое представительство России в иностранных державах. Ежегодно составляемые списки этих судов отправлялись в Азиатский департамент российского МИД и ложились на стол директора департамента торговли Министерства финансов Д.Г. Бибикова. Они предоставляли ценные сведения о динамике русской средиземноморской торговли и учитывались при расчетах торгового баланса страны.

Жители Галаты – это торговцы, ремесленники, моряки. Многие из них служили переводчиками в европейских посольствах, поскольку все говорили на нескольких европейских языках. Жена английского посла леди Мэри Вортлет вспоминала, что в Пере даже 3-летние дети говорили на пяти языках²¹. Драгоманы Константинополя – это особая часть жителей, которая принимала участие в политической жизни государства: зачастую они служили в нескольких посольствах и были посвящены в дипломатические тайны европейских стран. О хитрости и изворотливости перотов ходили легенды. По словам современника, написавшего специальное эссе о драгоманах,

«In Pera sono tre malanni: Peste, fuoco, dragomani» (В Пере три бедствия: чума, пожар, драгоманы).

Чума была постоянным бедствием города, пожары регулярно бушевали во всех районах Константинополя, а драгоманы, как видим, были причислены к этим двум напастям.

Уроженец Константинополя Константин Михайлович Базили – российский подданный, много лет прослуживший в российском МИД, был автором двух книг о турецкой столице, в которых исчерпывающе обрисовал

быт, нравы и повседневную жизнь огромного города. Он вступился за обитателей Перы и Галаты, защищая их от насмешек европейцев, считавших себя вправе смеяться над полуобразованностью левантийских жителей. «Нигде в целом мире не найдете столько полиглотов, как здесь» – писал Базили, а их радушие и простота обращения сослужили свою службу для многих оказавшихся в непривычной обстановке путешественников.

Вся тяжесть ведения дел с Портой в европейских посольствах Константинополя ложилась обычно на плечи драгоманов. В российской миссии существовал отдельный от переводчиков с европейских языков драгоманат: старший драгоман был уполномочен вести переговоры с турецким правительством, его помощник – с чиновниками более низкого ранга. Обычно драгоманов избирали из числа местных жителей, хорошо знавших особенности и обычаи турецкой повседневности, хотя в первой половине XIX в. на службу в Турцию уже отправлялись выпускники Учебного отделения восточных языков, учрежденного при Азиатском департаменте МИД в 1823 г.

Русско-турецкие отношения первой половины XIX в. определялись как общим состоянием европейских международных отношений, так и конкретными задачами, стоявшими перед российской внешней политикой в ближневосточном регионе. Переговоры, к которым вынуждены были прибегать стороны по многочисленным нерешенным вопросам двусторонних отношений, протекали медленно и зачастую не вели к урегулированию имевшихся проблем. Этому в немалой степени способствовал обычай ведения переговоров турецкой стороной. Драгоман российского посольства в Константинополе, прошедший в составе Главной квартиры русской армии всю русско-турецкую войну 1828-1829 гг., Феликс Иванович Фонтон оставил в своих «Воспоминаниях» яркую зарисовку, воспроизводящую картину ведения переговоров турками. «С давних времен и теперь, – пи-

шет Фонтон, – Порта имела у себя на службе т.н. фанариотов. Фанариоты в дипломатических формах собаку съели. Им известны все уловки, которыми можно проволочить время. Этот способ действия, или лучше сказать, бездействия... есть... постоянное правило турецкой дипломатии»²².

Драгоманами при иностранных посольствах служили уроженцы Константинополя целыми семьями. В российской миссии на протяжении первой половины XIX в. драгоманами числилось семейство Франкини – Франциск и Антуан. Они были сыновьями генерального консула Венеции на Кипре и начали свою службу еще в конце 70-х гг. XVIII в. в качестве драгоманов Венецианской республики в Константинополе. Позже братья перешли на службу Франции, а в 1798 г. оба попали в турецкую крепость по случаю войны Франции с Османской империей²³. В российской миссии братья заняли высшие драгоманские должности: Франциск стал первым драгоманом, а Антуан – его помощником. Особую известность в дипломатических кругах Константинополя приобрел Франциск. Н.Н. Муравьев так отзывался о нем в своих воспоминаниях: «Из всех жителей Перы Франкини, без сомнения, был самый ловкий и лукавый. Он имел обширные связи, узнавал все вести, служил во многих миссиях, имел много русских и иностранных орденов, числился в нашей службе в высоком классе»²⁴. Именно в его доме располагалось российское дипломатическое представительство в годы, предшествовавшие постройке нового здания миссии.

Высокого положения на дипломатической службе в российском МИД достиг другой константинопольский драгоман – Феликс Петрович Фонтон, выходец из семьи драгоманов на французской службе. Имя Фонтонов известно в российской дипломатии. Отец Феликса, Петр Антонович Фонтон, в конце XVIII в. служил при французском посольстве в Константинополе и за оказанные услуги был принят в российское подданство. Таким образом, родившийся в 1801 г. Феликс Фонтон был российским поддан-

ным французского происхождения, католического вероисповедания. Начал он свою службу в 1820 г. с низшего чина актуариуса, который принадлежал к 14-му, последнему, классу «табели о рангах». В 1824 г. Фонтон был причислен к Азиатскому департаменту МИД. Во время русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Феликс Фонтон находился при Главной квартире действующей армии – сначала у Витгенштейна, а затем у И.И. Дибича, где исполнял обязанности драгомана: допрашивал пленных, переводил документы. Дибич хлопотал о награждении Фонтонна орденом Св. Анны 1-й степени. В 1841 г., будучи статским советником, Фонтон получает назначение в Берлин, где уже в следующем году «по случаю отъезда посланника» исполняет должность поверенного в делах²⁵. В 1846 г. Феликс Петрович занимает место советника посольства в Вене – напомним, что Вена являлась одним из наиболее важных и престижных мест дипломатической службы для российских служащих внешнеполитического ведомства.

В 1855 г. Фонтон становится чрезвычайным посланником и полномочным министром при дворах короля Ганноверского и великого герцога Ольденбургского, а с 5 января 1857 г. исполняет такую же должность при Германском союзе. В 1859 г. Феликс Петрович произведен в тайные советники, что являлось высшим чином служебной лестницы в Российском государстве. К этому времени он являлся обладателем орденов Св. Анны, Св. Владимира, Св. Станислава, прусского ордена Красного Орла, многих знаков отличия «за беспорочную службу». Обстоятельства военного времени, в которых сумел стать незаменимым Фонтон, безусловно, сыграли свою роль: его способности были замечены, востребованы и оценены должным образом. Тем не менее, дипломатическая карьера Феликса Петровича являлась скорее исключением, чем правилом. Она, прежде всего, дает представление о том разнообразии путей, какими могли быть достигнуты высоты служебного положения в Российском МИД. Другой выходец из семей-

ства Фонтонов – Антуан – стал основателем Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИД, которое стало важной составной частью министерства и сыграло большую роль в подготовке переводчиков для Турции и Персии. Антуан Фонтон занимал одно из самых высоких положений в МИД, являясь статским советником и непременным членом Совета МИД²⁶.

Особым районом города, где традиционно проживали греки, был Фанар. Греческая диаспора была наиболее многочисленной – до 183 тыс. человек, и только 12% из них проживало в Галате. После завоевания Константинополя султан Мехмед II предоставил христианской общине города права самоуправления. Во главе этой общины стоял Константинопольский патриарх, получивший право иметь собственную администрацию и исповедовать христианскую веру. Эта церковно-гражданская организация носила название ромейского миллета и объединяла не только греков, но и все православное население Константинополя. Султан был вынужден пойти на признание прав миллета ромеев, поскольку он был не только многочисленным, но и влиятельным. Кроме того, власть Константинопольского патриарха противостояла папскому авторитету и снижала тяготение турецких христиан к Западу, что было выгодно турецким властям и обеспечивало определенную стабильность греческой общины. Патриарх, несмотря на свой высокий сан, на приемах у султана должен был целовать ему руку. Почти все византийские церкви Константинополя, включая и Св. Софию, были обращены турками в мечети. Этой участи смогли избежать лишь отдельные храмы. Патриарший собор Св. Георгия находился в плачевном состоянии. «Церковь ... для Вселенского престола, – писал Базили, – небольшое полукаменное, полудеревянное здание, которое грозит разрушением. И патриаршая церковь, и остальные 20 греческих церквей Константинополя находятся в самом бедном состоянии»²⁷. Все они были старинные, эпохи «взятия Константинополя», но право на их ремонт православ-

ные христиане должны были оплачивать «огромными суммами и богатыми подарками». «Патриаршая церковь есть беднейшая против всех церквей константинопольских и нуждается во всем решительно, начиная с иконостаса (согнившего и почерневшего от времени) до камильницы», – отмечал в своей «Записке», посланной в Петербург, архимандрит Амвросий, настоятель российской посольской церкви в Пере. Российское посольство, новое здание которого было построено в начале 40-х гг. XIX в., также имело свою домовую церковь Св. Николая, собиравшую на службы большое количество православных прихожан.

По своему внутреннему устройству Константинопольский патриархат представлял собой замкнутую организацию, обладавшую самоуправлением и имевшую в своем подчинении православную общину города. Продолжая традиции византийской эпохи, православная церковь действовала на основе канонического права, источником которого являлись юридические сборники поздневизантийского периода²⁸.

В ведении Константинопольской патриархии находились все православные приходы и монастыри на Балканах. Некоторые из них размещались в непосредственной близости от турецкой столицы. В устье Босфора со стороны Мраморного моря лежали Принцевы, или Княжеские острова, названные так, поскольку служили местом ссылки султанских сыновей, не имевших права наследовать трон. На этих островах – Проти, Халки, Антигони, Принкипо и Острове кроликов – традиционно проживало исключительно греческое население (последний из них был необитаем), и, кроме того, находилось несколько православных монастырей. На о. Проти – монастырь Христа Спасителя, на о. Халки – три обители: Пресвятой Богородицы (Панагия), Св. Георгия и Троицкий (Есоптр). На о. Принкипо также было три монастыря – Св. Николая, Спаса и Св. Георгия²⁹. Некоторые из них получали денежное пособие по Палестинскому штату, учрежденному в России. Особой милостью поль-

зовался Троицкий монастырь, носящий название Есоптр. Вместо положенных другим 35-ти руб. ежегодных выплат монастырю с 1826 г. назначалась дача в 50 руб.³⁰ В этом монастыре побывал в 1836 г. русский путешественник Н.С. Всевожский, оставивший следующее его описание: «Монастырь построен на горе, посредине острова; вид из него прекрасен! На воротах монастыря есть картина, изображающая Рай и Ад. В Аду множество мусульман; в Раю только монахи, простые священники и простолюдины в бедном платье»³¹.

В Фанаре, этом византийском квартале, проживали потомки древних византийских родов – Палеологи, Кантакузины. Они стали влиятельными государственными деятелями Османской империи, поскольку фанариоты составляли наиболее образованную часть городского населения и были востребованы на государственной и дипломатической службе. Зачастую они выполняли функции переводчиков; именно фанариоты занимали должности господарей Молдавии и Валахии – турецких провинций на Дунае. Фанариоты отправляли службы в православных церквях в славянских провинциях Османской империи, чем были недовольны южнославянские общины Балкан, желавшие иметь в церквях священников своей национальности. Сам термин «фанариот» у славян стал нарицательным и означал прислужника турецкой власти. Привилегированное положение греков в Константинополе закончилось с началом Греческой революции. На Пасху 1821 г. Вселенский патриарх Григорий был повешен турками на воротах Патриархии, тело его было подвергнуто надругательствам и брошено в море. Затем оно тайно было вывезено на российском корабле в Одессу.

В 1839 г. султан Абдул Меджид провозгласил Гюльханейский хатт-и шериф, положивший начало эпохи танзимата, т.е. реформ. Хатт содержал статьи, направленные на модернизацию турецкого общества. В частности, провозглашалась гарантия безопасности жизни, чести и имущества нему-

сульманского населения империи и равенство перед законом всех подданных султана. Эпоха танзимата должна была привести черты европейского права в мусульманское общество и модернизировать его настолько, чтобы создать хотя бы видимость прогрессивных перемен в национальной политике Порты, которая стала предметом критики со стороны европейских держав и причиной обращения православных подданных султана за помощью к единой России.

С целью исключения вмешательства России во внутреннюю политику империи в 1856 г. Порты издала следующий хатт-и хумаюн, который провозгласил продолжение реформ. Все подданные султана без различия вероисповедания могли теперь поступить на государственную службу. К концу XIX в. численность христиан в оттоманских госучреждениях достигала 55% – в турецком МИД и 29% – среди бюрократии³². В 1876 г. в Стамбуле издавалось 13 газет на турецком языке и 34 – на других языках: 9 на греческом, 9 на армянском, 7 на французском, 2 на английском, 1 на немецком, 3 на болгарском, 2 на еврейском, 1 на арабском³³. В 1847 г. были введены специальные гражданские суды для рассмотрения спорных дел между христианами и мусульманами.

Таким образом, можно говорить о том, что христиане – как католики, так и православные – составляли значительную часть общего населения турецкой столицы, при этом примерно одинаковая пропорция мусульманского и христианского населения Константинополя сохранялась на протяжении достаточно продолжительного времени. Роль христиан в государственных органах управления и на дипломатической службе была стабильно значимой – как уроженцев православной греческой общины Фанара, так и смешанного населения Перы и Галаты. Однако все же это касалось лишь должностей, обслуживающих центральные органы власти, в которых состояли в основном мусульмане. Постепенно разделение жителей по национально-конфессиональному признаку стало уступать место соци-

ально-экономической градации общества. Эти изменения означали новый уровень дифференциации жителей внутри городской структуры Константинополя.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Левашов П.А.* Цареградские письма // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. М., 1995. С. 49.
- ² Там же. С. 40.
- ³ *Муравьев Н.Н.* Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. Т. III. Дипломатические сношения. М., 1869. С. 20.
- ⁴ *К.Д.* Два года в Константинополе и Море (1825-1826). СПб., 1829. С. 9.
- ⁵ *Теплов В.* Представители европейских держав в прежнем Константинополе. М., 1890. С. 24.
- ⁶ *Петросян Ю.Ф.* Древний город на берегах Босфора. М., 1991. С. 219.
- ⁷ *Hutton W.H.* Constantinople. London. 1900. P. 277.
- ⁸ *Муравьев Н.Н.* Русские на Босфоре в 1833 г. М., 1869. С. 227.
- ⁹ *Enault L.* Constantinople et la Turquie. Paris. 1855. P. 381.
- ¹⁰ См.: *Кудрявцева Е.П.* Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М., 2010.
- ¹¹ *Кудрявцева Е.П.* Указ. соч. С. 263.
- ¹² *Гросул В.Я.* Русское зарубежье в первой половине XIX века. М., 2008. С. 133-143.
- ¹³ *Enault L.* Op. cit. P. 377.
- ¹⁴ Путешествие Н.С. Всеволожского через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах Т. 1. СПб., 1839. С. 258.
- ¹⁵ Путевые записки русского художника И. Захарова. СПб., 1854. С. 18.
- ¹⁶ *Eldem E.* The Ottoman City between East and West. Cambridge. 1999. P. 149.
- ¹⁷ *Rosenthal S.T.* The Politics of Dependency Urban Reform in Istanbul. Westport, 1980. P. 17.
- ¹⁸ *Boyar E., Fleet K.* A Social History of Ottoman Istanbul. Cambridge, 2010. P. 313.
- ¹⁹ *Базили К.М.* Очерки Константинополя. СПб., 1835. Ч. 2. С. 3.
- ²⁰ *Козловский И.* Краткий очерк истории русской торговли. Киев, 1900. Вып. II. С. 99.
- ²¹ *Hutton W.H.* Op. cit. P. 193.
- ²² *Фонтон Ф.П.* Воспоминания. Лейпциг, 1862. Т. I. С. 127-128.
- ²³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. ДЛС и ХД. Оп. 464. Д.

- 3454а. Формулярный список Франсуа Франкини; Д. 3451. Формулярный список Антуана де Пьер Франкини.
- ²⁴ Муравьев Н.Н. Русские на Босфоре в 1833 г. М., 1869. С. 401.
- ²⁵ АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 464. 1801-1860. Д. 3441. Л. 65об. Формулярный список о службе советника посольства в Вене, действительного статского советника Фонтана. 15 сентября 1949 г.
- ²⁶ Кудрявцева Е.П. Министерство иностранных дел России во второй четверти XIX века. М., 2019. С. 30.
- ²⁷ Базили К.М. Указ. соч. С. 153.
- ²⁸ Герд Л.А. Константинополь и Петербург. М., 2006. С. 27.
- ²⁹ К.Д. Указ. соч. С. 154.
- ³⁰ АВПРИ. Ф. СПб ГА II-9. Оп. 46. Д. 2. Ч. 7 Л. 8об. П. Мещерский К.В. Нессельроде. 18 ноября 1826 г.
- ³¹ Путешествие Н.С. Всевожского... Т. 1. С. 280.
- ³² Герд Л.А. Указ. соч. С. 44.
- ³³ Петросян Ю.А., Юсупов А.Р. Город на двух континентах. М., 1981. С. 139.

THE CHRISTIAN POPULATION OF CONSTANTINOPLE IN THE 1ST HALF OF THE 19th CENTURY

© 2020 E.P. Kudriavtseva

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Since the ancient times, the capital of the Byzantine and then Ottoman empires has been a major international center, a major transport node that was crucial for both land and sea trade routes from the Mediterranean to the Black Sea. The unique geopolitical role of Constantinople in the life of the Mediterranean ecumene was obvious already in antiquity. With the accession of the Ottomans on the shores of the Bosphorus, the role of Turkey in pan-European international relations increased drastically. Turkey has become a welcome ally for the leading Western European powers – England and France - its territory granted access to the trade route to the East. Even after the Turks conquered Constantinople, it remained a multinational city with a large Christians population – both Catholics and Orthodox. There were quarters of their residence in the city: Fanar, Pera, Galata and others. The city was famous for translators, dragomen, who, as residents of Levant, were indispensable assistants to the European embassies in their daily relations with Porta. Christians, both Catholics and Orthodox, made up a significant part of population of the Turkish capital, approximately the same proportion of the Muslim and the Christian population of Constantinople remained for quite a long time. The role of Christians in government and in the diplomatic service was constantly significant.

Keywords: Constantinople, population, Orthodox, Ottoman Empire.

DOI: 10.37313/2658-4816-2020-2-2-59-68